

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ / THEORY OF LITERATURE

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.59.9>

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ ГЮНТЕРА ГРАССА «ЛУКОВИЦА ПАМЯТИ»

Научная статья

Стасевич Ю.Ю.¹ *

¹ Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (julijuni686[at]gmail.com)

Аннотация

В данной статье затрагивается актуальная на сегодняшний день тема культурной памяти в литературных произведениях. Объектом анализа является автобиографический роман Гюнтера Грасса «Луковица памяти». В качестве исследовательской задачи автором была предпринята попытка определить наличие в произведении темы культурной памяти и способа ее выражения. Исследование основано на стилистическом анализе, который позволил определить метафоризацию как основное стилистическое средство, используемое автором произведения для репрезентации воспоминаний и процесса припоминания, осуществляемого автобиографическим Я. В ходе исследования автор приходит к выводу, что тема памяти пронизывает все произведение, тема культурной памяти выражена метафорой луковицы, очищая которую, автобиографическое Я вспоминает свое прошлое, идентифицируя себя при этом со своей нацией, испытывая стыд и вину за ее прошлое.

Ключевые слова: коллективная память, культурная память, автобиографическая память, метафора, метафоризация, автобиографическое Я.

CULTURAL MEMORY IN GÜNTER GRASS'S AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL "PEELING THE ONION"

Research article

Stasevich Y.Y.¹ *

¹ Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation

* Corresponding author (julijuni686[at]gmail.com)

Abstract

This article touches upon the currently relevant topic of cultural memory in literary works. The object of analysis is the autobiographical novel "Peeling the Onion" by Günter Grass. As a research task, the author attempted to determine the presence of the theme of cultural memory in the work and the way of its expression. The study is based on stylistic analysis, which allowed to identify metaphorization as the main stylistic means used by the author of the work to represent memories and the process of remembering carried out by the autobiographical Self. In the course of the study, the author concludes that the theme of memory permeates the entire work, the theme of cultural memory is expressed by the metaphor of an onion, cleaning which the autobiographical Self recalls its past, while identifying itself with its nation, feeling shame and guilt for its past.

Keywords: collective memory, cultural memory, autobiographical memory, metaphor, metaphorization, autobiographical Self.

Введение

Вопрос памяти всегда был в центре внимания философов. В XIX веке социология сформировала новый подход к этой теме, рассматривая память как социальное явление, основанное на коллективных представлениях. В 1925 году М. Хальбвакс ввел термин «коллективная память», что привело к изучению связи памяти и повседневной жизни. Поскольку проявления памяти тесно связаны с развитием культуры, позже появилось понятие культурной памяти, которое описывает непрерывный процесс формирования и укрепления идентичности сообщества или группы через реконструкцию прошлого [7, С. 126–128]. В последнее время вокруг термина памяти сформировалась новая парадигма культуроведения, которая позволяет рассматривать различные культурные явления, такие как искусство, литература, политика, общество, религия и право, в тесной взаимосвязи. Это открывает новые аспекты для исследования, например, взаимосвязь памяти и литературы, которая является объектом данной статьи и позволяет нам говорить о ее актуальности.

Целью данной работы является анализ автобиографического романа Гюнтера Грасса «Луковица памяти», определение наличия в нем темы культурной памяти, а также способа репрезентации данной тематики.

С именем Гюнтера Грасса в фокус исследования было поставлено творчество писателя, который даже в своих публичных выступлениях акцентирует внимание общества на том, насколько важной является тема воспоминаний, более того, этот автор с помощью своих художественных произведений явно показывает, насколько важна заинтересованность прошлым, особенно молодым прошлым немцев, в том числе, для настоящего любой нации.

Основные результаты

Прежде чем приступить к анализу автобиографического романа, необходимо дать определение понятиям «культурная память», «коллективная память» и «автобиографическая память».

Итак, культурная память – коллективный феномен. Она формируется веками, характеризуется высокой степенью формализации и возникает в поле церемониальной коммуникации. Основными признаками культурной памяти как формы коллективных воспоминаний являются способность к реконструкции и оформлению, связность, принадлежность к определенной группе, рефлексия и определенная организованности в процессе формирования [5, С. 230–235]. Следует отметить, что полностью отделить культурную память от коммуникативной можно только теоретически [10, С. 178], что подчеркивает Анджела Кеплер в своей работе «Социальные формы индивидуальных воспоминаний».

Структура культурной памяти состоит из функциональной и накопительной, которые связаны друг с другом. Функциональная память, являясь консервацией воспоминаний благодаря традициям и ритуалам, обеспечивает более длительное существование воспоминаний, а факты накопительной памяти, хранясь в архивах, книгах, картинах, фильмах, чаще попадают в забвение [5, С. 241–242].

Поскольку нашей задачей является изучение проблемы культурной памяти в литературном произведении, важными стали для нас исследования Алейды Ассман и Астрид Эрль. Алейда Ассман выделяет два вида текстов: литературные и культурные. Во время чтения литературных текстов читатель выступает как автономный индивид, воспринимающий текст, руководствуясь лишь собственными ощущениями. Культурные тексты, напротив, дают возможность реципиенту почувствовать себя членом определенного культурного сообщества [6, С. 359–360].

Астрид Эрль дополняет работу Алейды Ассман и вводит еще один термин – коллективный текст. Она поддерживает мнение, что культурные тексты становятся носителями культурной функциональной памяти, в то время как коллективные тексты не обладают такой функцией. Однако один и тот же текст может выступать как культурный, так и коллективный в зависимости от модуса восприятия [8, С. 292].

Далее рассмотрим термин «автобиографическая память». Это специфический вид декларативной памяти, предназначенный для фиксации и хранения информации о самом себе. Автобиографическая память постоянно переосмысливается на протяжении жизни. Большинство автобиографических воспоминаний, хотя и правдивы, но не являются точными [1, С. 81]. Это означает, что автобиографические события в процессе вспоминания всегда интерпретируются, поскольку основная функция автобиографической памяти заключается в формировании идентичности личности. Основная функция автобиографической памяти – социальная. Люди делятся своими воспоминаниями с окружающими с помощью устной и письменной речи, в том числе посредством литературных произведений.

Предполагая, что автобиографический роман Гюнтера Грасса, являясь культурным текстом, представляет интерес для работы над проблематикой не только автобиографической, но и культурной памяти, переходим к его анализу. В начале произведения мы видим не слишком талантливого мальчика, который верит в нацистскую пропаганду и не задает вопросов. В конце книги этот мальчик уже практически становится тем Гюнтером Грассом, которого знает общественность – зрелым прозаиком и деятельным социал-демократическим идеологом, последовательным антифашистом. Процесс становления мальчика и изображен в книге. Автор снимает «культурные слои» своей памяти один за другим – этот процесс напоминает ему чистку лука. Эта символика будет рассмотрена нами далее. Он как бы читает замысловатый рисунок на слоях-страницах, стремясь добраться до сердцевины, чтобы понять самого себя и свою эпоху.

В этом романе Гюнтер Грасс, вспоминая свои молодые годы, не стремится выступить в роли явного рассказчика. При написании произведения перед автором стояла непростая задача – не просто описать свое прошлое, как это обычно делают в романах, используя вымышленные материалы и персонажей, а представить факты своей биографии такими, какие они есть на самом деле, суметь вспомнить все детали, несмотря на то, что прошло уже много лет.

Таким образом, основой своего произведения Грасс берет не набор убедительных дат из своей жизни, а показывает свою неуверенность и сомнения относительно достоверности некоторых фактов. Кроме того, некоторые эпизоды уже кажутся слишком эффектными, чтобы быть правдой – например, встреча в лагере для военнопленных с будущим Папой Бенедиктом или джем-сейшн с Луи Армстронгом. Вымышленные персонажи прозы Грасса соседствуют с реальными, а литературные темы переплетаются с историческими. Более того, даже, если ничего подобного никогда не происходило, это вполне могло бы быть – исторические факты позволяют предположить даже Армстронга в дюссельдорфском кафе.

Все же многочисленные комментарии и вопросы автобиографического Я акцентируют внимание реципиента на том, что воспоминания не являются абсолютно точными. Так, например, автор пишет: *Die Erinnerung liebt das Versteckspiel der Kinder. Sie verkriecht sich. Zum Schönreden neigt sie und schmückt gerne, oft ohne Not. Sie widerspricht dem Gedächtnis, das sich pedantisch gibt und zänkisch rechthaben will* [9, С. 8].

Центральное место в этом произведении занимает изображение процесса критического самоанализа, направленного на выявление автобиографических фактов. В ходе этого процесса собственное Я рассказчика пытается дать ответы на многочисленные вопросы, возникающие в его памяти.

Гюнтер Грасс прежде всего стремится к глубинной психологической и идеологической правде, к внутренней честности с самим собой. Так, рассказывая о своем нацистском прошлом, типичном для людей его поколения, он не пытается оправдать себя или уменьшить свою ответственность за политические ошибки и коллективное попустительство преступлениям режима. В этом заключается основная и наиболее интересная идея произведения. Автор-герой здесь – не безупречный и совершенный с самого начала человек, а живой, постоянно развивающийся и самосовершенствующийся.

Поскольку в контексте нашей работы лежит тема памяти, необходимо подчеркнуть тот факт, что в тексте произведения прошлое постоянно по-новому реконструируется в свете настоящего. В тексте изображено уже состарившееся Я, которое оглядывается на свое прошлое и пытается его воссоздать. Так, Гюнтер Грасс пишет: *Und durch solch einen Zeitspalt, der mit Anstrengung zu erweitern ist, sehe ich mich und ihn zugleich. Ich bereits angejährt, er*

unverschämt jung; er liest sich Zukunft an, mich holt Vergangenheit ein; meine Kümernisse sind nicht seine; was ihm nicht schändlich sein will, ihn also nicht als Schande drückt, muss ich, der ihm mehr als verwandt ist, nun abarbeiten. Zwischen beiden liegt Blatt auf Blatt verbrauchte Zeit [9, С. 51].

Ключевым элементом композиции текста, посредством которого реализуется процесс припоминания, осуществляемый автобиографическим Я, является уже упомянутая метафора луковицы.

Так, именно луковица является основной структурной метафорой произведения, а ее шелуха символизирует носителей информации, подлежащей запоминанию. С этой шелухи человек, вспоминая и рассказывающий о событиях прошлого, навсегда запечатленных в его памяти, считывает необходимые ему сведения: *Wenn ihr mit Fragen zugesetzt wird, gleicht die Erinnerung einer Zwiebel, die gehäutet sein möchte, damit freigelegt werden kann, was Buchstab nach Buchstab ablesbar steht: selten eindeutig, oft in Spiegelschrift oder sonstwie verrätselt. Unter der ersten, noch trocken knisternden Haut findet sich die nächste, die, kaum gelöst, feucht eine dritte freigibt, unter der die vierte, fünfte warten und flüstern. Und jede weitere schwitzt zu lang gemiedene Wörter aus, auch schnörkelige Zeichen, als habe sich ein Geheimniskrämer von jung an, als die Zwiebel noch keimte, verschlüsseln wollen. Schon wird Ehrgeiz geweckt: dieses Gekrakel soll entziffert, jener Code geknackt werden* [9, С. 9].

Как показано на рисунке в самом начале автобиографического романа, где изображена луковица, которая уменьшается в размерах в процессе очищения, так и сам процесс припоминания и рассказа, осуществляемый автобиографическим Я, аналогичен процессу очищения, «чтения» луковицы. Цитированный выше отрывок позволяет понять, что могут возникать определенные трудности при использовании этого инструмента для извлечения воспоминаний.

Места в тексте, подобные следующим: *mit Blindstellen gibt die Zwiebel Antwort* [9, С. 232] или *«davon weiß die Zwiebel nichts* [9, С. 239] наглядно демонстрируют всю сложность процесса припоминания и непонятность прошлых событий.

Непрерывный процесс чистки луковицы, изображенный в романе показывает активный, сознательный акт вспоминания и рассказа о том, что удалось восстановить в памяти. Метафора, выбранная автором, отражает сложности, с которыми сталкивается автобиографическое Я в процессе припоминания и осмысления своего прошлого. Это становится очевидным благодаря тому, что у луковицы нет твердой сердцевины, она не раскрывает всей правды о прошлом, что делает процесс припоминания неполным и оставляет возможность для дальнейшего размышления.

В ходе исследования мы обращаем внимание на утверждение автора о том, что порезанная луковица вызывает слезы, следовательно, «затуманивает взгляд», что еще больше усложняет процесс реконструкции событий прошлого: *«beim Häuten der Zwiebel beginnen die Augen zu schwimmen. So trübt sich ein, was bei klarer Sicht lesbar wäre»* [9, С. 225]. Таким образом, Гюнтер Грасс подчеркивает вторую функцию выбранной им метафоры. С одной стороны, она является носителем воспоминаний, с другой – в контексте сожаления о том, что произошло – что-то такое, что вызывает слезы. Луковица становится символом конфронтации с прошлым, воспоминания о котором вызывают невыносимую боль: *Immerfort tickt sie und ist selbst auf Reisen ins Nirgendwo als Platzhalter schon da... sie bleibt als Bodensatz, ist als Fleck nicht zu tilgen, als Pfütze nicht aufzulecken. Sie hat von früh auf gelernt, gebeichtet in einer Ohrmuschel Zugflucht zu suchen, sich als verjährt oder längst vergeben kleiner als klein, zu einem Nichts zu machen, und steht dann doch, sobald die Zwiebel Pelle nach Pelle geschrumpft ist, dauerhaft den jüngsten Häuten eingeschrieben: mal in Großbuchstaben, mal als Nebensatz oder Fußnote... mir gilt die knappe Inschrift: Ich schwieg* [9, С. 36].

Заключение

Проанализировав автобиографический роман Гюнтера Грасса «Луковица памяти», мы приходим к заключению, что автор использует метафорические образы для иллюстрации сложного процесса воссоздания личных воспоминаний, которые не могут быть абсолютно точными и, кроме того, вызывают болезненные чувства стыда за собственное прошлое и за прошлое своей нации. Это позволяет нам сделать вывод о том, что тема памяти в целом, культурной памяти в частности репрезентируется во всем произведении.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Василевская К.Н. Функции автобиографической памяти личности / К.Н. Василевская // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — 1(43). — С. 81–86.
2. Грасс Г. Луковица памяти / Гюнтер Грасс. — Москва : Иностранка, 2008. — 592 с.
3. Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода / В.В. Нуркова // Культурно-историческая психология. — 2008. — 1. — С. 31–45.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. — 2005. — 2. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 03.09.2024).
5. Assmann A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses / A. Assmann. — München : Beck, 2001. — 428 s.

6. Assmann A. Was sind kulturelle Texte? / A. Assmann. — München : Beck, 2001. — 463 s.
7. Assmann J. Kultur und Gedächtnis / J. Assmann, T. Hölscher. — Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1988. — 426 s.
8. Erl A. Literatur als Medium des kollektiven Gedächtnisses / A. Erl. — Berlin, 1998. — 421 s.
9. Günter G. Beim Häuten der Zwiebel / G. Günter. — Göttingen : Steidl, 2006. — 499 s.
10. Keppler A. Soziale Formen individuellen Erinnerns. Die kommunikative Tradierung von (Familien) Geschichte / A. Keppler. — Hamburg, 2001. — 254 s.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vasilevskaja K.N. Funktsii avtobiograficheskoy pamjati lichnosti [Functions of an individual's autobiographical memory] / K.N. Vasilevskaja // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Scientific Research Journal]. — 2016. — 1(43). — P. 81–86. [in Russian]
2. Grass G. Lukovitsa pamjati [Peeling the Onion] / G. Grass. — Moscow : Inostranka, 2008. — 592 p. [in Russian]
3. Nurkova V.V. Analiz fenomenov avtobiograficheskoy pamjati s pozitsij kul'turno-istoricheskogo podhoda [Analysis of the phenomena of autobiographical memory from the perspective of a cultural and historical approach] / V.V. Nurkova // Kul'turno-istoricheskaja psihologija [Cultural and Historical Psychology]. — 2008. — 1. — P. 31–45. [in Russian]
4. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory] / M. Hal'bvaks // Neprikosnovennyj zapas [Untouchable supply]. — 2005. — 2. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed: 03.09.2024). [in Russian]
5. Assmann A. Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses [Memory frames. Forms and transformations of cultural memory] / A. Assmann. — Munich : Beck, 2001. — 428 p. [in German]
6. Assmann A. Was sind kulturelle Texte? [What are cultural texts?] / A. Assmann. — Munich : Beck, 2001. — 463 p. [in German]
7. Assmann J. Kultur und Gedächtnis [Culture and memory] / J. Assmann, T. Hölscher. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. — 426 p. [in German]
8. Erl A. Literatur als Medium des kollektiven Gedächtnisses [Literature as a carrier of cultural memory] / A. Erl. — Berlin, 1998. — 421 p. [in German]
9. Günter G. Beim Häuten der Zwiebel [Peeling the Onion] / G. Günter. — Göttingen : Steidl, 2006. — 499 p. [in German]
10. Keppler A. Soziale Formen individuellen Erinnerns. Die kommunikative Tradierung von (Familien) Geschichte [Social forms of individual memory. Transmitting of stories from generation to generation] / A. Keppler. — Hamburg, 2001. — 254 p. [in German]